

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ АЛЕТИЧЕСКОЙ И ДЕОНТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Негматова Навруза Нодировна

*Преподаватель кафедры русского языка и
литературы Самаркандского государственного
педагогического института*

Ганикулова Мухлиса Незомовна

*Студентка 3 курса Самаркандского
государственного педагогического института*

Аннотация. В статье исследуется функциональный потенциал языковых средств, выражающих алетическую и деонтическую модальность. Анализирует специфику реализации категорий необходимости и возможности в различных типах дискурса. Особое внимание уделяется конвергенции логических и прагматических аспектов модальности. Исследование базируется на синтезе лингвистического анализа и философской интерпретации модальных значений.

Ключевые слова: алетическая модальность, деонтическая модальность, функциональный потенциал, лингвистическая прагматика, категория необходимости.

Abstract. The article explores the functional potential of linguistic means expressing alethic and deontic modality. The author analyzes the specifics of the realization of the categories of necessity and possibility in various types of discourse. Special attention is paid to the convergence of logical and pragmatic aspects of modality. The study is based on a synthesis of linguistic analysis and philosophical interpretation of modal meanings.

Keywords: alethic modality, deontic modality, functional potential, linguistic pragmatics, category of necessity.

Проблема модальности в современной лингвистике переросла рамки чисто грамматического описания, превратившись в междисциплинарную область, где пересекаются логика, когнитивистика и теория коммуникации. Исследование алетической и деонтической модальности требует деликатного подхода к анализу того, как язык структурирует реальность и диктует правила поведения. Алетическая модальность, апеллирующая к истинности и объективной необходимости, и деонтическая, регулирующая нормы и обязательства, формируют каркас любого осмысленного высказывания. Алетическая модальность (от греч. Aletheia — истина) традиционно связывается с

положением дел в «возможных мирах». Она выражает знание о законах природы и логической неизбежности.

Функциональный потенциал алетических средств в языке заключается в их способности верифицировать высказывание, придавая ему статус неоспоримого факта или гипотетического предположения. Как отмечает известный исследователь модальности В.А. Плунгян, алетическая необходимость часто воспринимается как внешняя сила, не зависящая от воли субъекта [1, с. 214]. В художественном тексте это находит отражение в ситуациях, когда герой сталкивается с фатумом. Например, в классической прозе мы часто видим, как «наступление сумерек делает неизбежным прекращение пути», где модальный глагол или наречие подчеркивают объективную заданность мира, которую невозможно оспорить. В естественном языке грань между алетическим «необходимо» и эпистемическим «я уверен» крайне тонка. Лайонз подчеркивал, что человеческий язык редко оперирует чистыми логическими константами, предпочитая окрашивать их субъективной уверенностью говорящего. Алетический потенциал языка реализуется через систему предикатов (возможно, обязательно, необходимо), которые служат не только для констатации фактов, но и для выстраивания аргументативной стратегии.

Деонтическая модальность, напротив, глубоко антропоцентрична. Она касается сферы действия, воли и социокультурных норм. Если алетическая модальность говорит о том, что есть (или может быть), то деонтическая — о том, что должно быть. Лингвистические средства выражения деонтики (модальные глаголы «должен», «обязан», «разрешено») обладают мощным регулятивным потенциалом. Они не просто описывают мир, они его трансформируют, накладывая обязательства на участников коммуникации.

Интересно рассмотреть взаимодействие этих видов модальности в контексте институционального дискурса. Юридический текст, на первый взгляд, целиком деонтичен. Однако за каждой нормой («гражданин обязан») стоит алетическая предпосылка о том, что выполнение этой нормы объективно необходимо для стабильности системы. А.В. Бондарко в своих трудах по функциональной грамматике указывает на то, что модальность является центральным звеном семантической категории предикативности [3, с. 72]. Это означает, что любое сообщение о мире уже содержит в себе оценку его возможности или долженствования.

Обращаясь к художественной интерпретации данных категорий, можно вспомнить метафорическое описание долга в работах экзистенциалистов. Герой, принимающий решение под гнетом деонтической необходимости, часто осознает её как внутреннюю алетическую неизбежность своего характера. Это «слияние» модальностей создает уникальный эффект подлинности переживания.

Когда в повествовании говорится, что «иного выбора у него не оставалось, ибо сама его натура диктовала шаг в бездну», мы видим, как социальное «должен» превращается в онтологическое «необходимо». Функциональность модальных средств также проявляется в их способности смягчать или усиливать категоричность высказывания. В политическом дискурсе алетические формулы («очевидно, что...», «безусловно...») используются для легитимизации субъективных деонтических требований. Переводя требование из плоскости «я так хочу» в плоскость «так устроено общество», оратор использует скрытый потенциал алетики для манипуляции восприятием. Использование деонтических средств напрямую зависит от социального статуса коммуникантов и контекста ситуации. Алетическая же модальность претендует на универсальность, стремясь быть понятой вне зависимости от контекста, хотя в реальности она так же подвержена интерпретации. Алетическая и деонтическая модальности не просто сосуществуют в языке, но и постоянно обмениваются функциями. Алетическая модальность обеспечивает логическую устойчивость текста, в то время как деонтическая — его динамику и направленность на адресата. Взаимодействие этих систем создает сложную семантическую сетку, в которой кристаллизуются смыслы любого высказывания, претендующего на значимость в социуме.

Развитие функционального потенциала модальных средств наиболее отчетливо проявляется в зонах их пересечения, где объективная обусловленность алетики сталкивается с волевым вектором деонтики. В лингвистическом пространстве это приводит к возникновению гибридных смыслов, которые Г. П. Грайс связывал с понятием имплицатуры: когда формально выраженная возможность (алетическая сфера) на деле считывается как жесткое предписание (деонтическая сфера) [4, с. 45]. В этом контексте язык выступает не просто инструментом передачи информации, но сложным механизмом управления социальным поведением через манипуляцию модальными рамками. Особый интерес представляет процесс «деонтизации» алетических высказываний. Когда ученый или философ утверждает, что «человек не может не стремиться к истине», он использует алетическую форму (физическая или логическая невозможность иного), но вкладывает в неё деонтический призыв к этическому долгу. Этот стилистический прием превращает констатацию факта в моральный императив. Интерпретация таких высказываний требует от адресата понимания «горизонта ожиданий», где логическая неизбежность служит лишь фоном для утверждения ценностей. В художественном дискурсе этот механизм работает еще тоньше. Возьмем ситуацию, когда автор описывает внутренний монолог героя: «Стены комнаты словно сжимались, заставляя его выйти на улицу». Здесь внешнее, почти физическое принуждение (алетический план) становится

метафорой морального выбора. Художественный пересказ идей классической литературы позволяет увидеть, как «необходимость» превращается в «судьбу». Герой осознает, что его действия продиктованы не только внешним законом, но и внутренней структурой реальности, где «можно» и «должно» сливаются в едином акте существования. Рассматривая функциональный потенциал средств выражения возможности, следует отметить их роль в создании некатегоричного высказывания. Использование модальных операторов типа «может быть» или «допускается» в научной речи выполняет функцию хеджирования (mitigation). Это позволяет автору снять с себя часть ответственности за абсолютную истинность утверждения, переводя его из алетического регистра (абсолютная истина) в гипотетический. Однако в юридических документах те же самые средства («стороны могут прийти к соглашению») открывают пространство для правового маневра, сохраняя деонтическую силу договора, но смягчая его императивность.

Функциональная значимость деонтической модальности также раскрывается в категории «разрешения». В отличие от «обязанности», разрешение расширяет поле субъектности. Любое лингвистическое «можно» в социальном контексте всегда ограничено неявным «нельзя». Деонтический потенциал здесь заключается в установлении границ свободы: разрешая что-то одно, язык косвенно структурирует всю систему запретов. Алетическая база (то, что физически выполнимо) ограничивается деонтическими фильтрами (то, что социально приемлемо). Интересным аспектом является использование перформативных глаголов для выражения обеих модальностей. Фраза «Я объявляю этот путь закрытым» одновременно констатирует возникшую алетическую невозможность прохода и устанавливает деонтический запрет. В этом акте язык достигает пика своего функционального потенциала, где слово становится делом, а модальность — инструментом конструирования социальной реальности. Алетическая и деонтическая модальности образуют в языке динамическое единство. Если алетика отвечает за стабильность и предсказуемость картины мира, опираясь на логические законы и эмпирический опыт, то деонтика вносит в эту картину человеческое измерение, ценности и волю. Функциональный потенциал этих средств не исчерпывается их прямым значением; он заключается в способности языка адаптироваться к целям говорящего, превращая сухую логику необходимости в живую ткань человеческого общения. Переплетение этих категорий позволяет создавать тексты, обладающие огромной убеждающей силой, будь то научный трактат, законодательный акт или философский роман. Исследование их взаимодействия открывает новые перспективы в понимании того, как человек мыслит границы возможного и пределы должного в постоянно меняющемся мире.

Список использованной литературы:

1. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 384 с.
2. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. Введение. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 400 с.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 736 с. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974. — 448 с.
4. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 16. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217–237.
5. Палмер Р. Герменевтика. — Северо-Западный университет, 1969.